

В. А. Дмитриев

Государственный музей этнографии
в конце 1930-х годов: поворотный
момент в истории

Дмитриев Владимир Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; dmitriev_home@mail.ru

В докладе обращается внимание на эпизоды истории Российского этнографического музея (тогда Государственный музей этнографии) конца 1930-х гг., когда была временно изменена структура музея. Причиной изменения было создание в музее исторического отдела, что приблизило учреждение к форме национального музея.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии, историко-бытовой отдел Русского музея, исторический отдел Государственного музея этнографии, реконструкция музея.

Политическая история России XX в. закономерно определила процесс развития Государственного музея этнографии (ГМЭ; с 1948 г. ГМЭ народов СССР) – Российского этнографического музея (с 1992 г.; далее РЭМ), как и любого социокультурного института, что нашло отражение в актах реформирования музея. Ключевые события в его истории: образование Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1895 г.) и Государственного музея этнографии (1934 г.) – были обусловлены государственными решениями. Причиной структурных преобразований стали не только ведомственные указания, но и отражение в музейном пространстве событий политической жизни страны. Одной из поворотных дат в истории музея стал 1938 г., когда в ГМЭ обозначилось альтернативное направление его деятельности, ориентированное на расширение профиля музея, в том числе и за счет создания нового исторического отдела. Однако эта идея не была реализована, что и будет рассмотрено в настоящем докладе.

К концу 1930-х гг. в СССР завершился политический период, результатом которого стало построение нового общественного

строю, получившего в официальных государственных документах определение полной победы социализма в отдельно взятой стране. Данный тезис был закреплен в резолюциях XVIII съезда ВКП(б), прошедшего в 1939 г.

Состояние музейного дела, как и многих других в общественной жизни страны, к концу 1930-х гг. в целом определялось результатами завершившейся культурной революции, но при этом проявлялись и признаки отхода от ее первоначальных идеологических установок. Так, в этнографической науке, с одной стороны, возобладали идеологические принципы марксизма, но с другой – в 1938–1939 гг. были восстановлены кафедры этнографии в Ленинградском и Московском университетах, закрытые в 1931 г., постепенно прекращалась государственная поддержка марксизма.

В 1932–1939 гг. ГМЭ пережил полное кадровое обновление, что указывало на полный разрыв с теорией и практикой этнографии и музееведения дореволюционного периода. В 1939 г. в музее работало 18,4% сотрудников, принятых до 1927 г., 14,3% поступивших в 1927–1934 гг., и 77,2% сотрудников, вошедших в трудовой коллектив музея после 1934 г.¹ К 1936 г. структура и проблематика научных отделов музея была в целом определена принципом соответствия национально-территориальному устройству СССР.

В соответствии с данным принципом строилась и экспозиционная работа, ставшая в середине 1930-х гг. приоритетным направлением в работе музея. Важно подчеркнуть, что к этому времени складывается профессионально-этнографическое понимание значимости экспозиционной работы² и восприятие ее как части научно-исследовательской³. Этим был обусловлен и поворот к комплексному показу вещей, способствующий достижению основной цели – освещению жизни и быта того или иного народа в конкретной географической среде, в определенных социальных, экономических и исторических условиях; такой подход требовал сбора «дополнительного материала, изучения условий бытования вещей и жизни народа в целом»⁴. Превращение проектирования экспозиций в основной вектор научной деятельности музея определило и задачи полевой работы. Вследствие этого постепенно произошел отказ от участия сотрудников музея в комплексных академических экспедициях, как это имело место в 1920-х гг., а поездки стали осуществляться небольшими группами сотрудников в строгом соответствии с музейным заданием для решения задач скорее прикладного, чем фундаментального характера. Особенно узкоспециальный характер собирательская работа приобрела в середине 1930-х гг., когда идеологическая установка на демонстрацию успехов социалистического строительства на селе могла решаться

только сбором деэтнолизированного вещевого материала промышленного производства и полиграфической продукции. Формирование таких коллекций шло «на ощупь» вследствие отсутствия предмета этнографии современности и методики ее изучения, которая выработывалась постепенно вместе с практикой сборов.

В этнографии 1930-х гг., в том числе и музейной, произошел отказ от рассмотрения фундаментальных проблем, главенствующей тематикой стала критика немарксистских и левомарксистских течений (буржуазной и народнической этнографии, теории «культурных кругов», школы Маторина и др.), а также и разработка частных вопросов, зачастую описательного характера. В музейной этнографии также произошла перемена взглядов на ее основной предмет изучения. Им становится народный быт, описываемый в процессе непосредственного полевого наблюдения. В общем социологическом контексте по завершению коллективизации на селе этнические традиции были признаны невлиятельными пережитками прошлого, им придавалась определенная ценность как народному наследию, представляющему часть национальной культуры. Архаика, рассматриваемая в 1920-е гг. в качестве главного признака этнографического материала, перестала быть предметом специального внимания. Под влиянием установок на дифференциацию наук этнография отделилась от археологии, что стало к концу 1930-х гг. причиной вынужденного отказа ГМЭ от собственных археологических коллекций. Постепенно музей подходит к выработке собственного конструктивного подхода к выявлению объектов этнографии современности. Так, в 1936 г. Е. Н. Студенецкая из собирательской поездки на Северный Кавказ одна из первых привезла образцы современной национальной одежды, изготовленной как в домашней среде, так и в артелях соответствующего профиля. В итоге, к концу 1930-х гг. в музее был накоплен опыт включения в экспозиции и на выставки по традиционной культуре народов СССР так называемых «советских» разделов, отражающих новации в бытовой жизни населения.

В целом, к 1937 г. ГМЭ состоялся как учреждение, прошедшее необходимое реформирование и идеологически правильно представляющее этническую культуру народов Советского Союза. На возрастающий общественный статус ГМЭ указывало высказанное еще в 1935 г. предложение о превращении ГМЭ в единственный этнографический музей Ленинграда в связи с переводом в Москву Музея антропологии и этнографии (далее МАЭ). При этом планировалось на базе ГМЭ создать этнопарк, включающий новое музейное здание, с площадками Географического и Ботанического музея. Имевшееся здание предлагалось передать Русскому музею⁵.

Знаком признания идеологической ценности ГМЭ можно считать реабилитацию музея после его кратковременного закрытия (на два месяца) в 1937 г. в связи с обвинением в контрреволюционной пропаганде. Какие-либо приказы по музею, связанные с этими событиями, в архиве музея пока не обнаружены. Показательно, что 4 октября 1937 г., то есть сразу после возобновления работы музея, на заседании расширенного ученого совета ГМЭ представителем Наркомпроса было предложено создать в музее историческую экспозицию, придав ей статус ведущей. В перспективе музей получал более сложную комплексность и признаки «национального» музея страны. Появление новой экспозиции неизбежно создало предпосылки к очередному реформированию музея в двух планах: фондового собрания и организационной структуры. ГМЭ была передана часть собрания бывшего историко-бытового отдела Русского музея, к этому времени распределенного по разным учреждениям и местам хранения. Вместе с этим в штат ГМЭ были включены сотрудники историко-бытового отдела, что сильно меняло баланс кадрового состава музея.

Уже в декабре 1937 г. состоялось обсуждение концепции новой экспозиции, подготовленной как отдельный комплекс под названием «История России XVIII в.». Соединение исторической и этнографической тематик обосновывалось главной экспозиционной задачей – убедительно противопоставить политике национального угнетения народов царской России заботу советского государства о расцвете культуры каждого из братских народов многонациональной страны⁶.

С появлением в составе научной части музея исторического отдела были изменены названия этнографических отделов. Теперь в них звучали не столько политико-административные, сколько этнические термины: русский, украинский, белорусский, карело-финский. В этом же ряду находились грузинская и еврейская секции.

Музей уверенно вписывался и в образовательную систему страны. На конкурсе музеев в честь XVIII съезда ВКП(б) ГМЭ занял первое место⁷. Наркомпросом музей оценивался высоко, хотя и односторонне. Так, в постановлении музейного отдела Наркомпроса отмечалось: «Особенно рекомендовать использовать опыт Государственного музея этнографии в части организации дня школьника как одной из форм массовой работы»⁸. Признанием заслуг ГМЭ в разработке проблем музееведения стало приглашение сотрудников музея на преподавательскую работу в Политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской, где в 1938 г. был создан музейно-краеведческий факультет. Заведовать одной из кафедр стал

директор ГМЭ Е. А. Мильштейн⁹, занятия проводили А. Я. Дуйсбург, Г. А. Никитин, Е. Н. Студенецкая¹⁰.

Еще одно событие следует рассматривать в контексте растущего статуса ГМЭ – проведение в музее совместного ученого совета ГМЭ и МАЭ в апреле 1938 г., повесткой дня которого был доклад директора Института этнографии академика В. В. Струве¹¹. Положения доклада указывают на появившееся право ученых на самостоятельные профессиональные суждения об этнографии. В развернувшейся дискуссии поднимались вопросы, не утратившие актуальности и сегодня: нужно ли изучать городскую этнографию; в каком соотношении находятся этнография и история быта в широком его понимании; каковы рамки показа модернизации быта в этнографическом музее; входят ли в предмет изучения этнографии процессы сложения наций; где кончается предметная область археологии и начинается область этнографии; можно ли дать четкое определение предмета этнографии досоветского периода; в чем состоит отражение нового быта и почему в музей попадает столь малое количество соответствующих ему вещей; как сочетаются в музейном собрании вещевые коллекции, собранные профессионально, и сведения, полученные из других источников¹².

Показательно, что вскоре ГМЭ было поручено самостоятельно выработать определение профиля музея, чему были посвящены семь совещаний у директора. Создание указанного документа являлось обязательством, данным ГМЭ XVIII съезду партии¹³. В итоге выработанное Положение о Государственном музее этнографии определяло музей как научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение всесоюзного значения, которое проводит:

- сбор, хранение и научное изучение вещевых коллекций, фотографических и текстовых материалов;

- научно-исследовательские экспедиции и командировки по сбору материала для музея;

- научные исследования по музейному делу;

- создание постоянных экспозиций по этнографии народов СССР для массового обозрения;

- создание временных стационарных и передвижных выставок в музее и вне его;

- организацию проведения докладов, экскурсий и конференций в музее и вне его;

- создание кабинетов с целью глубокой проработки отдельных вопросов с посетителями музея;

- издание печатных работ; проведение консультаций для местных музеев и др. органов;

- созыв научных совещаний по тематике деятельности музея.

Таким образом, к концу 1939 г. реформирование ГМЭ обрело зримые результаты: завершились работы по подготовке исторической экспозиции, выработались основные принципы деятельности. Вряд ли ГМЭ получил собрание бывшего историко-бытового отдела полностью, но и эта часть была почти равна по численности (около 250 тыс. экспонатов) имевшемуся фонду. В ее составе находились элитная утварь, мебель, одежда, украшения, гравюры, литографии, а также такие уникальные комплексы, как Петровская галерея (предметы русской культуры VI–XVIII вв.), масонская коллекция, оловянные изделия XVII в. и др.

Реального слияния фондов не произошло; экспозиция «История России XVIII в.» завершена не была. В 1941 г. собрание исторического отдела теперь уже ГМЭ было передано в Эрмитаж¹⁴.

Причины довольно резкой перемены в стратегии развития ГМЭ еще требуют изучения. Одна из официальных версий изложена в статье Е. А. Мильштейна «Государственный музей этнографии» (1948)¹⁵, где автор подчеркивает инициативу ГМЭ в передаче русских культурно-бытовых коллекций Эрмитажу, обосновывая ее недостаточными возможностями для хранения и обработки этого собрания. Однако данной версии противоречит текст докладной записки Е. А. Мильштейна, датированной 1944 г. — временем начала восстановления ГМЭ на завершающем этапе Великой Отечественной войны, в которой развивается идея совместного существования в дальнейшем двух частей ГМЭ: исторической и этнографической¹⁶. Возможно, что в 1944 г. ГМЭ еще сохранял перспективы существования в роли «национального» музея. Однако обстоятельства послевоенного периода: острая нехватка кадров, передача ГМЭ собрания расформированного музея народов СССР (Москва), новая волна политических репрессий, в особенности печально знаменитое «Ленинградское дело», — вкупе определили возвращение ГМЭ к строго этнографическому профилю в конце 1940-х гг.

¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 724. С. 157. Отчет о работе отделов ГМЭ за 1939 г.

² Потапов Л. П. Государственный музей этнографии // Советская этнография. 1936. № 2. С. 126–129.

³ Научно-исследовательская работа краеведческих музеев // Советский музей. 1935. № 1. С. 6; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 41.

⁴ Студенецкая Е. Н., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 48.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 502. С. 1–1об. Заключение комиссии по переводу Государственного музея этнографии в другое здание.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 553. С. 1–2. Переписка с Наркоматом просвещения и Ленинградским областным комитетом ВКП (б) о передаче в музей экспонатов бывшего Историко-бытового отдела Русского музея и Музея Революции. 9.06–4.09 1936.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. С. 4–6; Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 52–53.

⁸ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 52–53.

⁹ Ефим Абрамович Мильштейн (1902–1989). Сын скорняка. С 1920 г. находился на советской работе, в 1934–1936 гг. являлся первым секретарем горкома ВКП (б) г. Махачкала). Постоянно совмещал руководящие должности с преподаванием в ряде ВУЗов. В сентябре 1937 г. назначен директором ГМЭ (1937–1941; 1944–1953). Доброволец Великой Отечественной войны. В 1945–1946 гг. преподавал на Военно-политических курсах Политуправления Гражданского воздушного флота, в 1946–1948 гг. был заведующим кафедрой в Ленинградской высшей школе профдвижения. Осенью 1952 г. получил строгий выговор от Дзержинского райкома ВКП (б) «за антигосударственную практику в музейно-краеведческой работе». 10 марта 1953 г. был уволен из Музея этнографии «как не обеспечивший руководство музеем», что, по воспоминаниям сотрудников музея, было вопиющей несправедливостью. В дальнейшем работал (с 1 апреля 1953 г. по начало 1975 г.) в Государственной Публичной библиотеке. Кандидат исторических наук. При работе в ГПБ занимался составлением Указателя литературы по этнографии народов СССР.

¹⁰ Студенецкая Е.Н., Крюкова Т.А. Указ. соч. С. 51.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 417. Обсуждение доклада В.В. Струве «Задачи советской этнографии».

¹² Там же. С. 26–33.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 417. С. 1–1 об.

¹⁴ Коршунова Т.Т. Костюм в России XVIII – начала XX в. из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 260–295.

¹⁵ Мильштейн Е.А. Государственный музей этнографии//Советская этнография. 1948. № 1. С. 218–222.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 882. С. 1. Докладная записка к.и.н. Е.А. Мильштейна об организации отдела на базе историко-бытового музея. 1944 г.

UDC 39

V.A. Dmitriev

The State Museum of Ethnography
in the Late 1930s: the Turning Point in History

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia, top-grade researcher, D. Sc. (History); dmitriev_home@mail.ru

The paper draws attention to the happenings in the history of The Russian Museum of Ethnography in the late 1930s (then The State Museum of Ethnography) when the museum structure changed temporarily. The reason was adding a history department to the museum, thus making it more closely resemble the National Museum form.

Keywords: The State Museum of Ethnography, the History and Everyday Life Department of The Russian Museum, the History Department of The State Museum of Ethnography, museum restructuring.